

ТАТЬЯНА ЗВЕРЕВА

Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Россия)

ORCID: 0000-0002-0485-7664

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

**ГОЛОС И ПИСЬМО:
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗДАНИЯ
ЛЕКЦИОННЫХ КУРСОВ**

**THE VOICE AND THE LETTER:
ON METHODOLOGY
OF PUBLISHING LECTURE COURSES**

Abstract:

In the article the author addresses the problem of publishing lecture courses. Particular attention gains a problem of translating the oral language into the written one and the methodological problems compilers of such editions inevitably face. To illustrate the argument the author addresses to Mikhail Panov's, Nikolaj Liban's, Vadim Baevsky's and Vladimir Markovich's publications of lectures.

Keywords:

conflict of languages, translation problem, Mikhail Panov, Nikolaj Liban, Vadim Baevsky, Vladimir Markovich

В последнее время в филологической науке обозначилась тенденция, которая не может не радовать, – речь идет о независимых друг от друга изданиях „живых лекций” ученых-филологов (М. В. Панов¹, Н. И. Либан², В. С. Баевский³, В. М. Маркович⁴ и пр.). На месте этих имен вполне могли бы быть другие, и в дальнейшем мы будем рассуждать не столько о конкретных книгах, сколько о том, должны ли быть выработаны единые подходу к подобного рода изданиям. Старая как сам мир проблема „речи” и „письма” была поставлена еще Платоном в *Федре*, где несомненное предпочтение платоновский Сократ отдавал живому общению. В 20 веке об этом наиболее последовательно высказался Мераб Мамардашвили, обративший внимание на то, что помыслить *что-то* можно только один раз, потому что мир/текст „всегда успевает принять такую конфигурацию, которая по сравнению с созданным нами образом уже отлична от представляющейся нам”⁵.

Сохранение живого слова Учителя – необходимое условие неразрывности филологической традиции, ее передачи последующим поколениям. Но именно здесь составители сталкиваются с неразрешимой дилеммой, своего рода конфликтом языков – при переводе с „устного языка” на „письменный” нарушается ряд условий. В отличие от письменного текста, нацеленного на консервацию смысла, устная речь ориентирована на ситуацию „здесь и сейчас”. (В этом аспекте лекция может быть уподоблена исполнению музыкального произведения, живущего только в момент исполнения и соотнесенного с категорией времени.) Не поддаются реальной передаче те уникальные (всякий раз заново выстраиваемые отношения со слушателями), которые и становятся условием разворачивания смысла. Кроме того, спонтанное говорение образует смысловые лакуны – паузы. Живое слово всегда балансирует на неуловимой грани сказанного и несказанного, в то время как научная статья стремится к предельной ясности. Наконец, проговариваемый смысл неотделим от интонации,

¹ Михаил Панов: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017.

² Николай Либан: *Русская литература: Лекции-очерки*. Москва 2014.

³ Вадим Баевский: *Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800 – 1855*. Смоленск 2009.

⁴ Владимир Маркович: *Русская литература Золотого века: Лекции*. Санкт Петербург 2019.

⁵ Мераб Мамардашвили: *Как я понимаю философию*. Москва 1992, с. 29.

являющейся главным индикатором индивидуальности лектора. „Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках”⁶, – сказанное О. Мандельштамом о природе Слова отражает суть гуманитарной науки.

Берясь за издание лекций, когда-либо прочитанных аудитории, составители сталкиваются с целым рядом проблем, и от их решения зависит не только читательский успех книги, но и формируемый в ней „образ человека” – ученого, выступающего в роли непосредственного собеседника. Вследствие этого встает насущный вопрос о методологических подходах к подобному роду изданий.

Обратимся к краткой характеристике выпущенных книг в той временной последовательности, в которой читались лекции. Безусловно, издание лекций Михаила Викторовича Панова – одно из самых ярких явлений на филологическом небосклоне последних лет. Как сказано в Предисловии к лекциям, „в центре внимания Панова – лингвистически осознанное движение русского стиха”⁷. Книга обладает не только силой научной и поэтической мысли; в ней имеется скрытый механизм, запускающий мощный процесс смыслопорождения. Являясь „энциклопедией гипотез”, лекции Панова способствуют становлению новых филологических концепций. Плотность изложенного материала настолько велика, что фразы буквально „пружинят” от переизбытка заложенного в них смысла, логика рассказа заряжает не только слушателя, но и читателя. Отчасти этому содействует афористическое мышление ученого. Отличительной особенностью лекций Панова является порождение „научных метафор”, способных раскрыть творческую индивидуальность поэтов. Как правило, размышления ученого всякий раз стягиваются к отточенным формулам: „ямб с металлическим привкусом” (Баратынский) и „энергия цезуры” (Лермонтов), „поэтика расщепления” (Маяковский) и „поэтика сплава” (Пастернак), „расплавленные слова” символистов и „твердые слова” акмеистов и т.д.). В пановских лекциях составителю удалось передать головокружительное упоение речью и, как следствие, – упоение миром, ибо одно без другого невозможно. Как правило, метафоры оказываются сквозными – однажды возникнув, они подхватываются и разворачиваются в дальнейших лекциях.

⁶ Осип Мандельштам: *Собрание сочинений в 3 томах*. Том 2. Москва 1991, с. 249.

⁷ Михаил Панов: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017, с. 8.

До Батюшкова в поэзии часы были без стрелок – времени не было. Эмблема вечна... Часы пошли, возникла элегия, обычно рисующая трагический перелом...⁸;

У Сологуба вообще часы стоят. У Блока и у Белого часы показывают всегда 12, а это означает, что они показывают <и> данный миг, <и> вечность. А потому ослаблена сюжетная сторона⁹.

Достоинства книги относятся не только к ученому-лектору, но и к составителю – Т. Н. Нещумовой, без труда которой книга не вышла бы в свет, и бесценный, необходимый современной гуманитарной науке как глоток свежего воздуха материал канул бы в Лету. Составителем не только бережно собраны лекции (за этим процессом угадывается многолетний и ежедневный труд), но и передана уникальная интонация и обаяние личности М. В. Панова. По ходу был решен и ряд методологических задач: даны варианты записанных конспектов; расставлены ремарки, в которых обозначена реакция слушателей, сохранены обращения к аудитории. Чрезвычайно важно, что в издании сохранены даже фрагменты лекций. Например, начало лекции о Борисе Пастернаке выглядит следующим образом:

[Начало записи отсутствует.]... за непониманием на три четверти, а дальше [буду говорить так]: комментированием покажу, чего не нужно искать в стихах Пастернака, до какой степени они должны быть понятны¹⁰.

В некоторых случаях пропуск записей опосредованно восстановлен составителем, о чем имеется пометка в тексте: „[Пропуск записи. Смысл утраченного текста таков...]”¹¹. Последовательно отмечены и все обрывы записей. На наш взгляд, именно эти вмешательства времени, создают ощущение его подлинного дыхания.

В отличие от М. В. Панова, хорошо известного по своим многочисленным монографиям и статьям, Николай Иванович Либан был в первую очередь педагогом, и его имя не так часто встречается на

⁸ Михаил Панов: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017, с. 69.

⁹ Ibidem, с. 187.

¹⁰ Ibidem, с. 430.

¹¹ Михаил Панов: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017, с. 468.

страницах филологических штудий. В течение долгого времени он занимался лекторской деятельностью, неизменно, как и Панов, собирая потоки благодарных слушателей. В книге *Русская литература: Лекции-очерки* Н. И. Либана собраны лекции по трем университетским курсам. Наиболее полно и последовательно представлена „История древнерусской литературы”, фрагментарно очерчены курсы „Становление личности в литературе XVIII века” и „Русская литература первой трети XIX века. Жуковский, Пушкин, Лермонтов”. Как следует из примечаний, подготовленных составителем В. Л. Харламовой-Либан, для объективного воссоздания курса были взяты конспекты разных лет разных слушателей. Кроме того, использовались сократившиеся аудиозаписи лекций по древнерусской литературе 1972-1973 гг. В этих лекциях в полной мере видим педагогический талант Н. И. Либана. На первый взгляд, сказанное не претендует на филологические открытия и очевидно, что лектор не ставил перед собой подобную задачу (показательно, что при разговоре с аудиторией практически не задействована литературоведческая терминология). Однако более важным было другое – открыть студентам незнакомые для них прежде миры, увлечь их в „terra incognita”, приоткрыть форму существования человека в иных культурных эпохах. Ученый выступает здесь в функции „сталкера”, открывающим путь в новый мир. В лекциях чувствуется та степень свободы, которой располагал Либан: движение его мысли весьма прихотливо, рассказ почти всегда пестрит историческими экскурсами, зачастую повествование сбивается на ассоциации. Думается, что многочисленных слушателей привлекала именно это – способность лектора жить и дышать „иным временем”.

В лекциях Либана литературный процесс впаян в историко-культурную эпоху – с одинаковым восторгом говорящий рассказывает, например, и о Болотове-стилисте, и о том, что Болотов нашел пенициллин: „Вот эту самую плесень, которую потом превратили в целебное лекарство, он нашел у себя в сарае, пробовал использовать в качестве лекарства – помогло”¹²; характеристика той или иной исторической эпохи разрастается настолько, что подчас совершенно заслоняет собой первоначальный предмет разговора. Но именно эти – методические нарушения – в конечном счете всего более характеризуют личность говорящего, увлеченного разговором так, что рамки академиче-

¹² Николай Либан: *Русская литература: Лекции-очерки*. Москва 2014, с. 323.

ского часа оказываются часто узкими. При составлении книги сохранены и обращения лектора к аудитории, и спонтанные реакции слушателей, благодаря чему воссоздается живой разговор. Зачастую вопросы Либана к аудитории носят шуточный провокационный характер:

Либан: Чем дело кончилось? Он убежал! На радостях, что над ним нет никакой власти (что может быть лучше?), вел себя очень неумно: предавался Бахусу. Понятно?

Студент: Выпивал.

Либан: Ну, не надо так говорить: XVIII век и вдруг – “выпивал”. “Предавался Бахусу” – это куда лучше¹³.

Отметим, что именно в данной книге всего более ощущается диалогическая направленность слова. Рождение лекции происходит на наших глазах, лекторская мысль меняет свое направление, чутко реагируя на реакции слушателей.

Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800 – 1855 В. С. Баевского несколько уклоняются от предшествующего ряда, поскольку сам автор принимал участие в этом издании. Но это все та же запись лекционного материала, осуществленная при помощи учеников и коллег. В Предисловии обозначены принципы подготовки издания:

...доцент моей кафедры Элеонора Леонидовна Котова не протяжении 2006-2007 учебного года стала записывать подряд все мои лекции с помощью видеокамеры. Потом она видеоряд и распечатанный словесный текст передавала мне, и я его редактировал, дополняя и переводя лекции из устной формы в письменную. ... Когда Э. Л. Котова прийти на мою очередную лекцию не могла, эту лекцию записывала ее сестра, тоже доцент моей кафедры Марина Леонидовна Рogaцкина. Потом они проделали кропотливую редакторскую работу по проверке цитат и всего моего текста¹⁴.

Обратим внимание, что автор указывает на необходимость „перевода лекций из устной формы в письменную”, т.е. сама лекция – это сырой материал, который необходимо оформить, сохраняя при этом иллюзию непосредственного слова.

¹³ Ibidem, с. 222.

¹⁴ Вадим Баевский: *Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800 – 1855*. Смоленск 2009, с. 7 – 8.

Как и предшествующие лекторы, В. С. Баевский демонстрирует удивительную свободу во владении материалом: не боясь „не успеть” сказать главного, он может процитировать по памяти 10 строк сряды из *Евгения Онегина*, увлечься рассказом о собственном пребывании на Кавказе или вспомнить ту или иную историю из „филологического быта”. При этом главное все же проговаривается и договаривается, вызревая из этих – многочисленных отступлений.

Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы – книга для В. С. Баевского во многом итоговая, осмысляющая одновременно и собственное существование в филологии, и филологическую науку XX века в целом. Когда-то я писала рецензию на выход этой книги¹⁵, и получила благодарственное письмо Вадима Соломоновича, которое храню до сих пор:

Глубокоуважаемая Татьяна Вячеславовна, позавчера получил Вашу бандероль. Сердечное спасибо за необыкновенную рецензию, посвященную моей книге. Когда я дошел до конца 177 страницы и прочитал, что это книга не только о золотом веке русской литературы, но и некоторым образом о золотом веке нашего литературоведения, я почувствовал, как что-то сжало мое дыхание. И, представьте себе, перевернув страницу, я читал уже с трудом, сквозь слезы, то и дело застилавшие поле зрения (из частного архива).

Привела это письмо с единственной целью – показать, насколько важен был для ученого круг, называемый „филологическим братством”. Издатели позаботились о том, чтобы сохранить в лекциях все отступления, касающиеся литературоведческой среды, – жизни ученых-филологов в „некалендарном” XX веке. Благодаря подобной оптике не только пушкинская эпоха, но и филология наделяются свойством чудесного.

Важно, что множество экскурсов связано с личным опытом В. С. Баевского, т.е. слушатели и читатели причащаются историям, которые можно услышать только из уст рассказчика „здесь и сейчас”, поскольку именно в момент говорения возникает прихотливая игра памяти. Сам Вадим Соломонович хорошо осознавал ценность своего опыта и спешил передать его своим ученикам. Всякого рода отступления не случайны, это продуманные ходы, и об этом лектор сам призна-

¹⁵ Татьяна Зверева: *Тридцать лекций о Золотом веке*, “Вестник Удмуртского государственного университета”. Ижевск 2009, № 4, с. 164 – 165.

ется своей аудитории. Для примера обратимся к одному из эпизодов лекции, обращенной к Пушкину. Очерчивая библиографию о жизни и творчестве поэта, Вадим Соломонович указывает студентам на книгу А. Л. Слонимского *Мастерство Пушкина* и сопровождает это развернутым комментарием о своем личном знакомстве с семьей Слонимских:

Рассказывала мне Лидия Леонидовна, что у них были некоторые вещи, принадлежащие Пушкину. И когда Ленинград оказался в осаде, она отправилась в Смольный, где был штаб обороны города. С трудом туда пробралась и попросила, чтобы какое-нибудь государственное учреждение взяло на сохранение эти реликвии. Но ей было отказано. Она мне дала дневник, который вела тогда. Это было смертельно опасно, потому что там были правдивые записи о блокаде. Город вымирал от голода, а в Смольном она увидела, как официантки в белых накрахмаленных чепчиках и передниках разносят по кабинетам начальства подносы, вкусно пахнувшие и закрытые салфетками. Вообще там была роскошная обстановка. В дом Слонимских попала бомба или снаряд, и все пушкинские реликвии погибли, и все погибло. Поэтому они не стали возвращаться в Ленинград, остались в Москве, комнату получили.

Это не совсем экспромт, скажу вам правду. Я когда готовился к лекции, на меня все это нахлынуло. И я подумал, что это тоже, может быть, приблизит вас к Пушкину, если я расскажу. А потом вдруг жалко времени лекционного стало. Но потом подумалось: другое вы прочтете и сами, а если этого я вам не расскажу, вы никогда о нем и не узнаете¹⁶.

В этом качестве лекции В. С. Баевского – не только учебный материал, но и уникальный исторический документ, в котором запечатлен частный человеческий опыт.

Единственное неудачное место в данном издании – вопросы студентов, которые появляются в конце некоторых лекций. В своем большинстве эти вопросы носят формальный характер, слабо или совсем не связаны с предшествующим изложением. По-видимому, эта вопросно-ответная форма была призвана подтвердить наличие диалога в аудитории. Однако вряд ли требуются дополнительные доказательства тому, что перед нами подлинное диалогическое действо, разворачивающееся между говорящим и слушающими.

¹⁶ Вадим Баевский: *Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. 1800 – 1855*. Смоленск 2009, с. 166.

Последний в этом ряду – курс лекций Владимира Марковича Марковича *Русская литература Золотого века*. По случайному совпадению книга, как и предыдущая, содержит 30 лекций, прочитанных в Санкт-Петербургском университете в разные годы. Основной корпус текстов относится к 2009 году, и это один из последних курсов ученого. В Предисловии П. Е. Бухаркин очертил подходы к изданию, осуществленному Е. Н. Григорьевой:

Редактура осуществлялась не просто крайне бережно и осторожно, она была и минимальной; перенесенный на бумагу устный по своему генезису текст сохранил отчетливый отпечаток „разговорности”, которая проявляется не просто в отдельных оборотах и выражениях, присущих скорее устной, чем письменной речи, но, в первую очередь, в особой атмосфере прямой обращенности – здесь и сейчас – к слушателям, становящимся ныне читателями¹⁷.

По богатству изложенного материала – это бесценное издание, которое может послужить замечательным учебником как для студентов, так и для тех, кто выходит к аудитории. В лекциях прекрасно воспроизведена логика построения материала – логика лекторской мысли. Для В. М. Марковича первична текстовая реальность. Конечно, ученый также совершает интереснейшие экскурсии, рассказывает острые анекдоты, но лишь для того, чтобы снова вернуться к тексту. Поэтика произведения неизбежно оказывается в фокусе, и лектор с удовольствием поворачивает перед слушателями материал разными гранями, демонстрируя умение жить словом. Манера изложения лекции отличается тем, что Владимир Маркович предпочитает вопросительную интонацию утвердительной; его лекции – это размышления, в которых нет ничего застывшего, напротив, мысль находится в постоянном движении, опровергая подчас только что сказанное. Наверное, не случайно последняя гоголевская лекция оказалась разомкнутой, финал размышлений – открытым:

...он (Гоголь – Т.З.) очень осторожно говорит, что Петр Великий направил нас на новый путь, но мы еще в пути, мы еще не дома. Исполволь подводит читателя к мысли о том, что мы не дома, мы

¹⁷ Владимир Маркович: *Русская литература Золотого века: Лекции*. Санкт-Петербург 2019, с. 5.

не дома. Формально он говорит: вперед, дом там, впереди. И действительно, впереди...¹⁸.

Вместе с тем тщательность воспроизведения материала и минимальная редакторская правка, о которой заявлено в Предисловии, приводят к некоторой перегруженности и избыточности текста. И здесь мы сталкиваемся с проблемой, заявленной в названии нашей работы, – конфликтом „языков”. Парадоксально, но бережно сохраненные „разговорные” конструкции не всегда способствуют иллюзии живой речи. Обращаясь в „слово письменное”, эти конструкции тормозят повествование. Подобное замедление полностью оправдано в аудитории, и блестящий лектор – Владимир Маркович Маркович – это прекрасно знал и чувствовал. Но в тот момент, когда слушатель превращается в читателя, подобные приемы начинают мешать целостному восприятию. Мне посчастливилось слышать спецкурс Владимира Марковича по поэтике русской литературы первой трети 19 века в Удмуртском государственном университете (Ижевск, 1993 год) – и я до сих пор слышу его интонации, помню его манеру читать стихи и по-актерски работать с аудиторией. Прошло уже почти тридцать лет, но впечатление, оставленное лектором и ученым, до сих пор живо. Лекции произвели тогда ошеломительное впечатление своей мощью и динамикой, и вот этот напор энергии ослаблен в книге.

Цель данных разборов – не критика и не выстраивание иерархии, а попытка выявить некоторые насущные проблемы, связанные с изданием филологического наследия. Резюмируя сказанное, можно обозначить следующие задачи, которые стоят перед составителями подобного рода изданий:

1. Проблема редакторской правки или очерчивания границ, за пределы которой эта правка не может выйти. Необходимо решить вопрос, что важнее – сохранить для истории лекционный материал в изначальном виде, или внести изменения, повышающие достоинства текста.
2. Вопрос отбора материала, связанный с наличием вариантов имеющихся лекций. Один и тот же материал в разные годы может быть раскрыт по-разному. Логика издания может подчиняться разным путям: отбор лучших, на взгляд составителя, лекций; приведение всех имеющихся вариантов; следование

¹⁸ Ibidem, с. 722.

хронологическому принципу (обращение к лекциям, прочитанным в определенный период).

3. Необходимость включения или исключения реплик слушателей. Здесь снова возникает проблема исторической достоверности материала. Нужно ли брать во внимание всё, когда-то происходившее на занятии, или составитель имеет право по своему усмотрению исключать материал, понижающий планку.

Ни одно печатное издание не способно стать заменой живого диалога ученого со слушателями. Безвозвратно уходит в прошлое эпоха гигантов филологической мысли, а вместе с ними и эпоха тех, кому посчастливилось слышать их голоса. На одной из своих лекций И. В. Панов иронизировал над семантикой приставки -от:

„Он свое отпел”, „он свое отчитал”, „он свое отходил”, „он свое отспал”... Вот эта приставка *от-*, горестная приставка, показывающая, что все в прошлом, – она прибавляется чуть ли не к каждому глаголу...¹⁹.

Однако только печатное/запечатленное слово позволяет перевести прошедшее в настоящее, уничтожить приставку *от-*, а вместе с ней и отрицательную частицу *не*. Это единственный известный человечеству способ сохранения „живого голоса”, а следовательно, и условие непрерывности гуманитарного знания.

REFERENCE:

- Baevskij Vadim: Tridcat' lekcij o Zolotom veke russkoj literatury. 1800 – 1855. Smolensk 2009. 632 p. (Баевский Вадим: *Тридцать лекций о золотом веке русской литературы. 1800 – 1855*. Смоленск 2009. 632 с.)
- Zvereva Tat'yana: Tridcat' lekcij o Zolotom veke, “Vestnik Udmurtskogo gosuniversiteta”. Izhevsk 2009, № 4, s. 164 – 165. (Зверева Татьяна: *Тридцать лекций о Золотом веке*, “Вестник Удмуртского государственного университета”. Ижевск 2009, № 4, с. 164 – 165.)

¹⁹ Михаил Панов: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017, с. 355.

- Liban Nikolaj: Russkaya literatura: Lekcii-ocherki. Moskva 2014. 584 p.
(Либан Николай: *Русская литература: Лекции-очерки*. Москва 2014, с. 323.)
- Mamardashvili Merab: Kak ya ponimayu filosofiyu. Moskva 1992. 416 p.
(Мамардашвили Мераб : *Как я понимаю философию*. Москва 1992. 416 с.)
- Mandel'shtam Osip: Sobranie sochinenij 3 tomah. Tom 2. Moskva 1991. 730 p. (Мандельштам Осип: *Собрание сочинений 3 томах*. Том 2. Москва 1991, 416 с.)
- Markovich Vladimir: Russkaya literatura Zolotogo veka: Lekcii. Sankt Peterburg 2019. 752 p. (Маркович Владимир: *Русская литература Золотого века: Лекции*. Санкт Петербург 2019. 752 с.)
- Panov Mihail: YAzyk russoj poezii XVIII – XIX vekov: Kurs lekcij. Moskva 2017. 584p. (Панов Михаил: *Язык русской поэзии XVIII – XIX веков: Курс лекций*. Москва 2017, с. 468.)